

ПРИЗВАНІЕ св. ЖАННЫ Д'АРКЪ *)

По мѣрѣ того какъ возрастаетъ количество изслѣдованій о Жаннѣ д'Аркъ, мѣняются и точки зрѣнія, оцѣнивающія такъ или иначе дѣло ея совершенное. Историкъ, исторіософъ, социологъ, психологъ — каждый по своему ищутъ объяснить его, понять его природу и происхожденіе. Однако, какъ бы ни были многочисленны и разнообразны эти попытки — всѣ онѣ сводятся къ одному общему типу и методу изслѣдованія: исходя изъ принципа, что часть соотвѣтствуетъ цѣлому, изъ котораго происходитъ, всѣ онѣ пытаются установить причинную зависимость между дѣломъ Жанны д'Аркъ и средой, въ которой она жила. Эта среда — семейная, социальная этническая или историческая всюду играетъ роль этого цѣлага, къ ней сводятся и ея объясняются факты этого дѣла.

Такъ поступаютъ всѣ, приписывающіе миссію, выполненную Жанной, высокому расцвѣту добродѣтели, присущей ея расѣ. Качества этой расы, пройдя путь эволюціи, будто-бы, во всей полнотѣ, проявились въ личности Орлеанской Дѣвы, она явилась ихъ воплощеніемъ и индивидуальнымъ выраженіемъ. Этотъ методъ примѣняютъ всѣ, пытающіеся связать миссію Жанны съ эпохой, въ которой она жила, чтобъ изъ нея, какъ изъ причины, вывести слѣдствіе. Таковъ методъ и тѣхъ, которые, не отрицая необычайный и безспорный характеръ дѣла ея совершеннаго, видятъ въ немъ лишь проявленіе болѣзненной экзальтаціи, маніи величія, истеріи, невроза. Ихъ утвержденія построены на томъ же методѣ — сведенія частей къ цѣлому. Но, благодаря тому, что они не могутъ подвести призываніе Жанны къ уровню призываній другихъ людей, имъ ничего другого не остается, какъ признать это призываніе — фантастическимъ и причислить къ области аномаліи и патологии.

---

*) Докладъ, прочитанный на празднествахъ въ честь Жанны д'Аркъ въ Руаннѣ.

Въ моемъ докладѣ я намѣренъ возражать противъ признанія такого метода для объясненія призванія Жанны д'Аркъ. Цѣль моего доклада—выявить исключительно индивидуальный характеръ высокаго призванія Орлеанской Дѣвы, выполненнаго ею въ теченіе ея недолгой жизни. Именно въ ней, въ этой жизни, нахожу я полное опроверженіе всякой попытки объяснить его средой, эпохой, наслѣдственностью или аномаліей. — Для оправданія этого утвержденія мнѣ достаточно будетъ прослѣдить это призваніе въ его трехъ основныхъ моментахъ: вдохновенія, его расцвѣта въ военныхъ подвигахъ и апогея на судѣ и въ мученичествѣ. Чего хотѣли отъ Жанны голоса, которые она слышала? Они говорили ей, что Богъ хочетъ, чтобъ она, оставивъ родной домъ, отправилась во Францію, освободила ее отъ владычества англичанъ и указала ей настоящаго короля. Эти четыре задачи, тѣсно между собой связанныя, составляютъ содержаніе миссіи, полученной ею свыше. Могла-ли внушить ее Жаннѣ среда, въ которой она жила: семейная, социальная, этническая или историческая?

Начнемъ съ первой. Кто изъ семьи Жанны могъ внушить ей мысль покинуть родину, начать войну съ англичанами, убѣдить дофина въ его правахъ на корону Франціи, вести его въ Реймсъ для коронованія? Ея отецъ, мать, братья, кузены, дяди или тетки? Но исторія даетъ на это опредѣленно отрицательный отвѣтъ. Семья Жанны не только не внушала ей этой мысли, но, наоборотъ, рѣшительно возставала противъ нея. Свидѣтель этому — отецъ Жанны, который, увидя во снѣ, что его дочь уѣзжаетъ изъ дома съ солдатами, заявилъ сыновьямъ: «Вѣрьте мнѣ, еслибъ этотъ сонъ исполнился, то я хотѣлъ бы, чтобъ вы ее утопили, а если не вы, то я самъ утоплю ее». Врядъ-ли эти слова можно принять за внушеніе или поощреніе! Кромѣ того, мы знаемъ отъ самой Жанны, какъ приняла ея семья вѣсть объ ея отъѣздѣ. «Они совсѣмъ обезумѣли, когда я уѣхала въ Вокулерсъ», заявила она судьямъ, которые, конечно, использовали это заявленіе въ цѣляхъ наибольшаго ея обвиненія.

Но, если не среда, наиболѣе близкая Жаннѣ, то, быть можетъ, внушеніе это нужно искать въ общественномъ мнѣніи той эпохи? Измученное долгимъ владычествомъ иностранцевъ, не проявило-ли оно свое возмущеніе здѣсь у границъ Шампани и Лотарингіи, въ деревушкѣ Домрэми, гдѣ Жанна услышала голоса святыхъ? Въ этомъ призывѣ свыше не слѣдуетъ-ли видѣть, просто на просто, вліяніе могучаго теченія идей, охватившее ту эпоху и выразившее самую насущную ея нужду?

Я не сомнѣваюсь, что это объясненіе весьма соотвѣтствовало бы вкусамъ моихъ современниковъ. Большая часть нашихъ социологовъ и психологовъ, не задумаясь, признаетъ ее.

Въ самомъ дѣлѣ, трудно придумать объясненіе болѣе заманчивое и правдоподобное для современнаго мышленія какъ то, которое обращается къ воздѣйствию неизвѣстныхъ силъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда встрѣчается въ жизни людей что-нибудь необычное, исключительное. Такъ, судьбу великихъ людей и даже ихъ геніальность развѣ не объясняютъ вліяніемъ силъ, исходящихъ изъ окружающей среды и дѣлающихъ личность орудіемъ коллективной воли?

Я не стану оспаривать здѣсь цѣнность этого страннаго метода, идущаго наперекоръ естественному ходу человѣческаго мышленія: отъ извѣстнаго, отъ опредѣленнаго, отъ даннаго, къ неизвѣстному, къ неопредѣленному, къ предполагаемому, принимая первая за основу послѣднихъ. Я останавлюсь на немъ лишь постолько, поскольку методъ этотъ претендуетъ объяснить призваніе героической личности Жанны. Можетъ-ли онъ сослаться на исторію, свидѣтельство которой является основнымъ для выясненія вопроса о томъ было-ли дѣло Жанны д'Аркъ внушено ей ея современниками?

Выступленіе Жанны произошло въ то время, когда владычество англичанъ окончательно утвердилось во Франціи. Большая часть французскихъ провинцій находилась въ ихъ рукахъ: Иль-де-Франсъ, Нормандія, Пикардія, Фландрія, Артуа, Шампань, Гвіана. . . . Кровавые пораженія въ Греси, въ Пуатье и, особенно, въ Азенкурѣ почти совершенно истребили французское рыцарство. Лишенная арміи, Франція лишилась и національнаго правительства, такъ какъ дофинъ, сынъ Карла VI утратилъ права на тронъ, изъ-за отца, сошедшаго съ ума нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Герцогъ Бургундскій, другъ англичанъ, державшій подъ своей властью сумасшедшаго короля и говорившій отъ его имени, имѣлъ своей союзницей королеву Изабеллу — тучную баварку, преданную, какъ и онъ, интересамъ англичанъ. Изъ ненависти къ Франціи, Изабелла отрицала королевскую кровь своего сына, выдала дочь Екатерину за короля Англіи Генриха V и отдала ему Францію, въ видѣ приданнаго дочери. Преждевременная смерть Генриха лишила его престола, но у него былъ сынъ 9-ти мѣсяцевъ, который подъ именемъ Генриха VI являлся наслѣдникомъ двойной короны: Англіи и Франціи, на основаніи договора въ Труа (1420), имѣвшаго всю видимость законности.

Этотъ договоръ былъ признанъ парламентомъ и всѣми законодательными учрежденіями Франціи. Подпись Карла VI — не имѣла значенія: генеральные штаты поспѣшили дать свою, признавъ этимъ, права Генриха VI. Къ его услугамъ былъ и Парижскій университетъ — самый вліятельный умственный центръ не только Франціи, но и Европы. Тотъ фактъ,

что это учрежденіе полу-клерикальное, полу-свѣтское обладающее правомъ разбирать споры даже между папами, дало свое полное согласіе на признаніе англичанъ, освящало особымъ образомъ это признаніе. Могла-ли эта Франція, Франція, поработенная врагу, могла-ли она поручить Жаннѣ миссію своего освобожденія?

Но, быть можетъ, миссія эта исходила изъ другой среды, образовавшейся вокругъ подлиннаго наслѣдника трона, Карла VII и его приближенныхъ? Нѣтъ, уже по тому одному, что ни его сторонники, ни самъ Карль, не имѣли ни тѣни надежды на возстановленіе его правъ на престолъ. Лишенный столицы, королевства и подданныхъ, изгнанникъ, безъ средствъ, неувѣренный въ своемъ происхожденіи, которое отрицала даже его собственная мать, этотъ слабовольный король готовъ былъ уже покинуть Францію и поселиться въ горахъ Шотландіи съ немногими преданными ему солдатами. Могла-ли изъ этой среды явиться мысль объ освобожденіи, которое совершила Жанна д'Аркъ?

Призваніе Жанны не только не внушено ей людьми, событіями или состояніемъ страны — наоборотъ оно проявляется въ обстановкѣ наиболѣе ему неблагоприятной. Несоответствіе между началомъ ея подвига и препятствіями, которыя окружали ее со всѣхъ сторонъ — поражаетъ. Эти препятствія, казалось, должны были бы съ первыхъ же шаговъ, остановить Жанну; они создавали непреодолимую преграду между ней и людьми, ее окружающими. Такой преградой, стоявшей передъ ней на каждомъ шагу, было англійское владычество, признанное ея современниками за нѣчто абсолютное, окончательное и непоколебимое, какъ сама истина. Разрушить эту преграду — значило посягнуть на установленный порядокъ, нарушить общественный миръ, помѣшать возстановленію новаго строя, который оппортунизмъ, свойственный человѣчеству, всегда предпочтетъ требованіямъ, основаннымъ на правѣ и справедливости.

Именно такимъ было отношеніе людей къ предпріятію Жанны д'Аркъ.

Первымъ, послѣ родныхъ, узнавшимъ о миссіи Жанны, былъ Роберъ де Бодрикуръ, сеньоръ де Вокулеръ. Онъ два раза отказался выслушать Жанну, два раза ее не принялъ. Лишь на третій разъ онъ принялъ, выслушалъ ее и, повѣривъ въ ея призваніе, далъ ей мечъ и двухъ оруженосцевъ, сопровождавшихъ ее къ дофину.

Дофинъ также не допускалъ ее къ себѣ. Прежде чѣмъ дать ей свиданіе, Карль VII подвергъ ее двойному испытанію. Первое — въ Шинонѣ съ участіемъ женщинъ, желая узнать мужчину она или женщина, дѣвственница или порочная. Вто-

рое — въ Пуатье съ участіемъ клириковъ мѣстнаго университета, съ цѣлью провѣрить сверхъестественное происхожденіе ея миссіи. И лишь послѣ этихъ двухъ испытаній, выяснившихъ, что Жанна вполне достойна довѣрія, она могла, наконецъ, получить разрѣшеніе на свиданіе съ дофиномъ. Однако хотя дофинъ и далъ это согласіе, какія подозрѣнія, сколько сомнѣній и нерѣшительности проявилъ онъ въ признаніи ея миссіи! Уже одно непонятное отношеніе этого неблагодарнаго чело-вѣка, само по себѣ достаточно, для доказательства насколько миссія Жанны д'Аркъ была лишена всякой помощи со стороны людей и не допускала никакого естественнаго объясненія.

Карль VII, совмѣстно съ ученой комиссіей, образованной въ Пуатье, потребовалъ отъ Жанны знака, который доказалъ бы ему божественное происхожденіе ея миссіи. «Богъ не хочетъ, сказалъ ей братъ Сегенъ де Сегенъ, чтобъ вамъ повѣрили, если не будетъ какого нибудь знаменія въ доказательство того, чтобъ вамъ повѣрили. И мы не совѣтуемъ королю довѣрять вамъ и рисковать арміей на основаніи однихъ вашихъ словъ». «Именемъ Бога, отвѣчаетъ Жанна, я здѣсь, въ Пуатье не для того, чтобъ дать вамъ это знаменіе. Отправьте меня въ Орлеанъ и тамъ вы его увидите!».

Начинается осада Орлеана, стѣны котораго уже на половину разрушены. Всѣ силы англичанъ участвуютъ въ ней, подъ командой наиболѣе опытныхъ генераловъ, съ наиболѣе доблестными войсками. Согласно ея желанію, Жанну отправляютъ въ Орлеанъ съ небольшимъ отрядомъ, которому она неизмѣнно твердитъ о томъ, чтобъ солдаты всю свою надежду возложили на Бога. Прибывъ въ Орлеанъ, черезъ Солонь, Жанна рѣшаетъ тотчасъ же атаковать англичанъ. Но здѣсь она наталкивается на инерцію чело-вѣческой осторожности, всегда возстающую противъ инициативы Жанны. Многіе сеньоры и капитаны держатся того мнѣнія, что не слѣдуетъ подвергать опасности королевскихъ солдатъ, что нужно выжидать прибытія болѣе сильныхъ подкрѣпленій. Этотъ отвѣтъ глубоко огорчаетъ Жанну. Не слушая голоса людей, всецѣло предавъ себя на волю Бога, она беретъ знамя, вскакиваетъ на лошадь и, въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ, увлеченныхъ ея порывомъ, галопомъ несется къ крѣпости Сень Лупъ, беретъ ее, а вслѣдъ за ней крѣпости Сень Жанъ ле Бланъ, Огюстенъ и Турнелль. Всѣ эти укрѣпленія падаютъ одно за другимъ подъ натискомъ ея побѣдоносной вѣры въ Бога. Безстрашіе Жанны побѣждаетъ не только враговъ по оружію, но и сопротивленіе окружающихъ, тѣхъ которые, сравнивая свои ничтожныя силы съ силами англичанъ, ждали помощи отъ короля. «Дѣлайте по вашему, а я буду дѣлать — по моему» — отвѣчаетъ имъ Жанна и, вѣрьте мнѣ, слова Божьи испол-

нятся». «Хорошо все, что угодно Богу. Нужно дѣлать то, что Ему угодно, чего Онъ хочетъ. . . . Дѣлайте. . . . Богъ сдѣлаетъ!».

Черезъ нѣсколько дней осада Орлеана окончилась . . . . Англичане отступили къ Божанси и къ Меленъ. Знаменіе, котораго просилъ Карль и его сторонники было дано, самое яркое. Другія, не менѣе яркія, слѣдовали за нимъ: Божанси, Патеи, Жарго, Труа, Шалонъ — славные этапы этого побѣдоноснаго похода, душой и вождемъ котораго была Жанна. Его завершеиіемъ былъ Реймсъ и коронованіе Карла. Но это коронованіе было завершеиіемъ того, что, съ человѣческой точки зрѣнія, называется удачей. Послѣ апоѳеоза въ Реймсѣ, Жанной овладѣваетъ предчувствіе никогда ее не обманывавшее, что жизнь ея вступаетъ въ новый, послѣдній періодъ, что вскорѣ она, всѣми покинутая, будетъ во власти злыхъ силъ, противящихся ея призванію.

Мечтой Жанны было вести короля изъ Реймса въ Парижъ. Эта мечта не осуществилась. Парижъ былъ всей душой преданъ англо-бургундцамъ. Но больше всѣхъ помѣшалъ ея выполнеиію ни кто иной, какъ самъ король. Несмотря на всѣ чудеса, совершенныя Жанной, несмотря на всѣ услуги, оказанныя ею, Карль все же не былъ убѣжденъ въ сверхъестественномъ происхожденіи ея призванія. Поэтому, онъ отказывается ей идти осаждать Парижъ, предоставляя ей одной эту осаду. Во время осады Жанна была ранена и получила отъ него приказъ объ отступленіи. А когда она, желая возстановить потерю, рѣшила перейти на лѣвый берегъ черезъ мостъ, построенный д'Алансономъ, то Карль отдалъ распоряженіе разрушить мостъ, а вмѣстѣ съ нимъ и планъ Жанны.

Разгадка этого, болѣе чѣмъ страннаго поступка, теперь вполне выяснена. Притворно во всемъ соглашаясь съ Жанной, Карль тайно заключаетъ два секретныхъ договора о перемиріи съ своимъ врагомъ герцогомъ Бургундскимъ — первый 28 августа, второй 18 сентября 1430.

Предательски покинутая тѣмъ, кто былъ ей обязанъ восхожденіемъ на престоль, оставленная вслѣдъ за нимъ и другими союзниками, Жанна все же продолжаетъ сражаться съ англичанами, желая во что бы то ни стало «вытолкать ихъ изъ Франціи». Она—въ Сенлисѣ, въ Суассонѣ, въ Ланьи, Крепи анъ Валуа и, наконецъ, въ Компьенѣ. Здѣсь, во время битвы, она попадаетъ въ руки бургундцевъ, которые тотчасъ же продаютъ ее англичанамъ за 10 тысячъ фунтовъ: — «цѣна королевской головы» по знаменитому выраженію Кошона.

Начинается послѣдній періодъ, заслуживающій особаго вниманія, такъ какъ именно въ немъ, болѣе чѣмъ въ другихъ, выявляется призваніе Жанны, во всемъ его своеобразіи и

неповторимости. Здѣсь она ведетъ борьбу уже не съ резонерами, не съ политиканами, которые всю свою, слишкомъ чело-вѣческую предусмотрительность направляли противъ пылкаго рвенія Жанны, рвенія, питавшагося божественнымъ вдохно-веніемъ свыше. Это вдохновеніе руководитъ ею и теперь, когда она должна отвѣчать на судѣ передъ духовными лицами, наиболѣе выдающимися по своимъ качествамъ и учености.

Руанскій трибуналъ былъ, конечно, на сторонѣ англичанъ, на сторонѣ регента Бетфорда, Винчестера и самого Генриха VI. Но объ этомъ на судѣ не упоминалось и весь процессъ, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, носилъ характеръ исклю-чительно религіозный. Вся формальная сторона этого знаме-нитаго суда надъ Жанной д'Аркъ, соблюдалась безукориз-ненно: публичность и торжественность, духовный составъ судей, ихъ ученость, самые основные чисто-теологическіе вопросы, ими обсуждаемые — все придавало руанскимъ пре-ніямъ характеръ особой значительности и религіозности. Но, наиболѣе существеннымъ въ этихъ преніяхъ былъ, конечно, самый предметъ споровъ. Вопросъ шель, не болѣе не менѣе, какъ о томъ, была-ли миссія Жанны внушена ей Богомъ или дьяволомъ?

Отъ рѣшенія этого вопроса зависѣло окончательное и неопровержимое доказательство высокаго и чисто-индивиду-альнаго призванія Жанны д'Аркъ. Выслушаемъ, прежде всего, подсудимую. Ей предлагаютъ подъ присягой говорить одну лишь правду. «Я охотно скажу все, что разрѣшитъ мнѣ Богъ. Но безъ Его разрѣшенія — не скажу ничего» — отвѣчаетъ она. «Если я скажу что-нибудь безъ Его позволенія, то не буду больше вѣрить голосамъ, а если Онъ разрѣшитъ, то я не буду бояться, а буду вѣрить». (Засѣданіе 27 февраля).

Въ этомъ прекрасномъ вступленіи выражена, во всей ея глубинѣ, главная мысль Жанны. . . . Но судьи, не обращая вниманія на этотъ отвѣтъ, задаютъ ей вопросъ о томъ, зачѣмъ она пріѣхала во Францію, т.е. о ея призваніи. «Меня послалъ Богъ» — отвѣчаетъ Жанна (Засѣданіе 24 февраля). Исполняя велѣніе Бога, переданное ей ангелами и святыми: Екатериной и Маргаритой, она оставляетъ родной домъ, является къ Карлу VII и ведетъ его, послѣ побѣды въ Орлеанѣ, въ Реймсъ.

Исполняя велѣніе Бога она осаждастъ города «чтобъ вытолкать англичанъ изъ Франціи». Воля Бога руководитъ ею во всѣхъ ея предпріятіяхъ. «Все что я дѣлаю, могла бы она сказать, я дѣлаю согласно откровенію свыше».

Не удовлетворяясь этими отвѣтами, судьи спрашиваютъ Жанну, какъ могла она повѣрить, что Богъ именно ей, прост-ой и невѣжественной крестьянкѣ, далъ столь важное открово-неніе? «Богъ всемогущъ», отвѣчаетъ она. «Онъ даетъ откровеніе

кому Ему угодно. (Засѣданіе 28 марта). Ему угодно было поручить это простой дѣвушкѣ».

Еще раньше она заявила клирикамъ, утверждавшимъ, что ничего подобнаго никогда не было и ни въ одной книгѣ не написано: «У Бога есть книга, которую никто изъ клириковъ, какой бы высокій санъ они ни имѣли, никогда не читалъ» (Показаніе Паскереля)

Отвѣтъ, достойный Святой, которую не можетъ удивить ничто исходящее свыше. Однако, предвзятое отношеніе судей не желало считаться съ этими отвѣтами; въ нихъ они видѣли лишь доказательство гордости и самомнѣнія подсудимой. Воспользовавшись заявленіемъ Жанны о томъ, что она не дѣлаетъ ничего безъ помощи божественной благодати, они задаютъ ей вопросъ, казалось бы, весьма простой и имѣющій отношеніе къ ея предыдущимъ показаніямъ: «Увѣрены ли вы, что благодать присутствуетъ въ васъ»? Этимъ вопросомъ они имѣли въ виду вызвать съ ея стороны отвѣтъ, могущій ее скомпрометировать. Въ самомъ дѣлѣ: если она заявитъ, что благодать — въ ней, это укажетъ на ея гордыню; если станетъ отрицать присутствіе въ ней благодати это докажетъ, что она дѣйствуетъ подъ вліяніемъ дьявола.

Но какъ они ошиблись въ своемъ ожиданіи! Жанна не поддавалась на эту уловку. «Если я — внѣ благодати, Господь мнѣ ее пошлетъ. Если — въ благодати, Господь охранитъ меня!».

Нельзя точнѣе опредѣлить отношеніе христіанина къ тайнѣ божественной воли, къ дару благодати и къ роли падающей на долю нашего свободнаго выбора. Какое смущеніе долженъ былъ произвести подобный отвѣтъ въ собраніи теологовъ, среди которыхъ многіе пользовались міровой извѣстностью. Однако они не пожелали снять съ себя обязанность судей и продолжали допрашивать Жанну, задавая ей вопросы, относящіеся, главнымъ образомъ, къ ея общенію съ Богомъ. Таковъ напр. вопросъ о мужскомъ костюмѣ, который Жанна носила во все время ея походовъ и не снимала даже въ тюрьмѣ. «Развѣ Богъ велѣлъ вамъ одѣваться по мужски?» спрашиваютъ ее судьи (IV засѣданіе, 27 февраля). Костюмъ? — отвѣчаетъ Жанна, это — пустяки! Да, я надѣла его по приказанію Бога. «Думаете-ли вы, что хорошо поступили, надѣвъ мужское платье!» «Все, что я дѣлала по приказанію Бога — хорошо и я жду, что Онъ меня за это не оставитъ и мнѣ поможетъ», отвѣчаетъ Жанна, вполне разумно утверждая этимъ, что вся власть принадлежитъ одному лишь Богу.

Однако судьи думаютъ иначе. Считая поступки такого рода непристойными и нарушающими чистоту пола, они всячески убѣждаютъ Жанну переменить мужской костюмъ на

женскій. Лишь при этомъ условіи они обѣщаютъ ей исполнить ея горячее желаніе: быть на обѣднѣ и причащаться. Что стоитъ ей отказаться отъ этого костюма, чтобъ ,взамѣнъ получить такое благо!

Однако Жанна не согласна выполнить это, казалось бы столь незначительное желаніе. Она, во что бы то ни стало, хочетъ прежде всего и во всемъ выполнить волю Бога. «Развѣ вы не можете позволить мнѣ пойти къ обѣднѣ и въ этомъ платьѣ? Я очень прошу васъ объ этомъ. Я не могу переимѣнить костюмъ. Это не отъ меня зависитъ.»

Всѣ присутствующіе напрасно уговариваютъ ее надѣть платьѣ, соотвѣтствующее ея полу. «Это не зависитъ отъ меня, повторяетъ она. Еслибъ это зависѣло отъ меня, то я, конечно, это сдѣлала бы. Я не могу снять этотъ костюмъ. Неужели же вы лишите меня Причастія? Умоляю васъ, монсеньоры, разрѣшить мнѣ быть на обѣднѣ въ этомъ платьѣ. Вѣдь оно не мѣняетъ моей души и не противъ заповѣдей Церкви! (26 марта). Всѣ усилія судей заставить Жанну пойти хотя бы на малѣйшую уступку разбились, натолкнувшись на ея послушаніе Богу. «Я согласна скорѣе умереть, чѣмъ отказаться исполнить то, чего отъ меня требуетъ Богъ» (17 марта)

Нужны-ли еще доказательства для оправданія этой абсолютной покорности волѣ Бога и, не менѣе абсолютнаго противленія всему, что этой волѣ противорѣчитъ?

Тамъ, на старомъ рынкѣ Руана, можно увидѣть зрѣлище, единственное въ исторіи міра, тамъ пламенными языками костра обведена черта, отдѣляющая личность отъ окружающей ее среды, тамъ единеніе души съ Богомъ закрѣплено мученичествомъ.

Выслушаемъ, однако, возраженія судей. Въ чемъ обвиняется Жанна Д'Аркъ? Во первыхъ, въ своеволіи, въ томъ, что она уѣхала изъ дома безъ разрѣшенія родителей, по своему желанію, по своему вдохновенію (27 марта). Они упрекаютъ ее въ высокомъ о себѣ мнѣніи, въ предпочтеніи личнаго мнѣнія — авторитету Церкви (28 Марта), въ томъ, что она не посовѣтывалась ни съ епископомъ, ни съ священникомъ, прелатомъ или другими духовными лицами, чтобъ узнать вѣрить-ли ей въ духовъ, говорящихъ съ ней!! (28 марта).

Они обвиняютъ ее въ желаніи проникнуть въ тайны, превышающія ея разумъ и происхожденіе (тогда же). Это происхожденіе, то что Жанна была простой, неграмотной крестьянкой — являлось одной изъ главныхъ уликъ противъ нея. Такъ, одинъ изъ судей, Зенонъ де Кастигліоне, епископъ Лизье, отказался видѣть въ ней посланницу Бога лишь на томъ основаніи, что она была низкаго происхожденія. «*Attenta vili conditione personae, praesumendum est ipsas revelationes et*

visiones non ab ipso Deo processisse». Странный доводъ въ устахъ епископа!

Обратимся къ другимъ обвиненіямъ. Судьи говорятъ, будто она искушала Бога, «требуя отъ Него того, въ чемъ нѣтъ необходимости, чего человекъ можетъ достигнуть и собственными силами» (28 Марта).

Но самое главное обвиненіе противъ Жанны было предъявлено ей въ засѣданіи 31 марта. Это — обвиненіе въ томъ, что она не разъ заявляла судьямъ о своемъ рѣшеніи подчиняться Богу и обращаться къ Нему, а не представителямъ Церкви. Не она-ли говорила: «То, что Богъ велитъ мнѣ, приказываетъ или прикажетъ — я сдѣлаю несмотря ни на что и ни на кого. И если Церковь захочетъ, чтобъ я сдѣлала что-нибудь противъ воли Бога я ни за что на это не соглашусь». И еще, 2 мая, не она-ли заявила Жану де Шатіонъ, архидіакону д'Евре: «Я вѣрю, что воинствующая церковь не можетъ ни заблуждаться, ни погрѣшать, но что касается моихъ словъ и дѣлъ — я подчиняюсь и обращаюсь только къ Богу, Моему Творцу. Ему Одному предаю все, что дѣлаю и всю себя».

Нельзя болѣе точно и опредѣленно выразить индивидуальный и неповторимый характеръ призванія Жанны д'Аркъ, полученное ею свыше. Тѣ, которые во чтобы то ни стало желаютъ объяснить это призваніе моральнымъ воздѣйствіемъ ея среды, пусть выслушаютъ ее въ засѣданіи 9 мая, стоящую передъ орудіями пытки, воздвигнутыми рядомъ съ ней, дабы этимъ путемъ, какъ сказалъ Кошонъ, обратить ее на путь истины и спасти ея душу и тѣло (sic!) «Если вы даже раздерете на части все мое тѣло и вырвете душу — я повторю то же самое. А если скажу не то, что говорила, то позже скажу, что меня силой заставили говорить не то, что думаю».

Я не буду останавливаться на другихъ обвиненіяхъ и подозрѣніяхъ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и весьма знаменательны. Такъ, напр., Жанну упрекаютъ въ жестокости, въ непримиримости. Не она-ли заявила Екатеринѣ де ла Рошелль, что заключить миръ съ герцогомъ Бургундскимъ не иначе какъ на остріѣ меча, не она-ли убѣждала Карла VII не заключать ни союза, ни договора съ англичанами: «съ ними возможенъ только одинъ миръ — пусть отправляются въ свою страну.» (27 марта).

Не останавливаясь на этихъ обвиненіяхъ и на отвѣтахъ Жанны, всегда столь значительныхъ и жизненныхъ, я перехожу къ двумъ основнымъ выводамъ моего доклада. Первый, наиболѣе выражающій мою мысль и мною не разъ уже высказанный, это тотъ, что мысли, вдохновляющія Жанну внушены ей не людьми. Выводъ этотъ рѣшительно отвергаетъ всѣ попытки видѣть въ Жаннѣ Д'Аркъ или инструментъ, выполня-

ющій волю ея современниковъ, или выразительницу запоздалой борьбы друидовъ и галльскаго генія съ христіанствомъ или, наконецъ, предвѣстницу оппозиціи Церкви и ея авторитету въ лицѣ Реформаціи. Все это не что иное какъ чистая фантазія!

Дѣло Жанны д'Аркъ, съ точки зрѣнія чисто-человѣческой никѣмъ и ничѣмъ ей не внушено. Ея призваніе глубоко индивидуально. Но въ ея глубинѣ какъ и въ глубинѣ каждой индивидуальности сокрыта, тайна, на которую все чаще и чаще наталкивается и философія и наука.

Въ доказательство этого мнѣ достаточно сослаться на Конгрессъ синтеза, бывшій недавно въ Парижѣ, съ участіемъ всѣхъ наиболѣе извѣстныхъ философовъ и ученыхъ нашего времени.

Всѣ засѣданія этого Конгресса были посвящены проблемѣ индивидуальности и вопросамъ съ ней связаннымъ — детерминизму, причинности и непредѣльности. . . . Въ результатѣ споровъ выяснилось, что индивидуумъ ускользаетъ отъ попытокъ привести его къ единству и синтезу . . . Эта проблема такъ затрудняетъ нашихъ ученыхъ, что многіе изъ нихъ, не будучи въ состояніи рѣшить ее, просто на просто ее отрицаютъ. Другіе-же, главнымъ образомъ психо-соціологи, не имѣя возможности отрицать индивидуумъ, какъ фактъ, становятся на защиту посредственныхъ теорій, пытающихся признать все оригинальное и возвышающееся надъ *серединой*, за аномалію и патологию. Это тѣ, которые и до сихъ поръ имѣютъ смѣлость говорить о ненормальности Святыхъ и даже самого Христа. На мнѣніяхъ этого рода останавливаться, конечно, не стоитъ, а если и стоитъ, то лишь поскольку они свидѣтельствуютъ о печальныхъ фактахъ умственного и волевого психоза. Въ результатѣ остается лишь одно рѣшеніе проблемы индивидуальности, именно то, которое Жанна д'Аркъ даетъ намъ въ своихъ словахъ и своей жизни: все великое и значительное человѣкъ получаетъ отъ Бога. Каждый человѣкъ, какъ бы ничтоженъ, скромнень и незамѣтенъ онъ ни былъ, имѣетъ на себѣ отпечатокъ вполне оригинальный Того, Кто его создалъ. И созерцая въ лицѣ Жанны д'Аркъ этотъ божественный отпечатокъ, въ его самомъ совершенномъ и яркомъ проявленіи, мы вмѣстѣ съ Псалмопѣвцемъ скажемъ: «Дивенъ Богъ во Святыхъ Своихъ».

Аббатъ Августинъ Якубизіакъ.